

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918—1919 годов В ГЕРМАНИИ*

А. Шрайнер

После Великой крестьянской войны первой четверти XVI в. Ноябрьская революция 1918—1919 годов была величайшим революционным событием германской истории до 1945 года.

Детальное исследование, анализ и описание этого великого революционного события историками-марксистами представляет собой необходимость, диктуемую заботой о поддержании революционной традиции. Это нужно прежде всего, чтобы ознакомить нынешнее поколение немецкого и международного рабочего класса с уроками великих революционных боев, а также с уроками поражения Ноябрьской революции, ибо известно, что рабочий класс учится не только на своих победах, но и на своих поражениях.

О Ноябрьской революции имеется обширная литература, как марксистская, так и буржуазная. В ней мы находим общее описание Ноябрьской революции, описание отдельных эпизодов и местных событий, мемуары и т. д. (к сожалению, нет еще марксистской критической библиографии этой литературы). Существующие работы в значительной мере основаны на источниках «из вторых рук». И среди марксистских работ имеется такой способ изложения, который я назвал бы «переписыванием» (*Abschiftstellerei*). Один списывает у другого. К тому же наше изложение истории еще не свободное от догматизма. Очень часто бывает так: автор исходит из теоретического положения, затем он подыскивает к нему и соответственно группирует подходящие факты, и горе фактам, если они противоречат утверждаемому тезису! Это приводит к тому, например, что в дискуссиях о Ноябрьской революции одно положение противопоставляется другому в самых различных вариантах, причем участники дискуссий обходятся без предварительного тщательного изучения первоисточников.

Это обстоятельство и связанный с ним факт, что в марксистской литературе недостает основанных на скрупулезном исследовании первоисточников монографий о Ноябрьской революции и о других периодах, весьма затрудняют нашу работу по созданию учебника германской истории. Чтобы выйти за рамки бесплодных, в какой-то степени схоластических дискуссий, например, о роли Советов в Германии, я просмотрел за последние два года ряд диссертаций и некоторые научные доклады. В них наряду с другими проблемами разрабатываются вопросы о развитии движения за Советы в Германии до 9 ноября 1918 г., о Советах в период Ноябрьской революции в Берлине, в Хемнице (Карл-Маркс-штадт), в Лейпциге, в Галле, в районе Мансфельда, о борьбе за социализацию в Рурской области. В институте проф. Лео Штерна (Галле) готовится публикация документов по вопросу о Советах. Она является небольшой частью той

---

* Данная статья представляет собой переработанный текст доклада профессора, доктора Альберта Шрайнера (Берлин), прочитанного на заседании группы по изучению истории Германии при Институте истории Академии наук СССР в феврале 1957 года.— *Ред.*

серии отдельных монографических исследований, которые нужно провести, чтобы прийти к точному освещению этого исторического периода.

В рамках одного доклада нельзя, разумеется, разобрать всю тематику Ноябрьской революции. Поэтому после вводных замечаний я хочу поставить только несколько таких вопросов, которым до сих пор уделялось слишком мало внимания или по которым наиболее ожесточенно спорят. С 1952 г. у нас прошли оживленные дискуссии в Музее германской истории, в авторском коллективе по созданию учебника и, кроме того, в историческом журнале «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». В июне 1954 г. мы провели двухдневную дискуссию, преимущественно по вопросам Ноябрьской революции. Своим данным выступлением я надеюсь способствовать оживлению дискуссии и дальнейшим исследованиям.

При рассмотрении вопросов я исхожу из достигнутых до сих пор в ГДР результатов дискуссии о Ноябрьской революции. Я считаю нужным осветить следующие вопросы: вопрос о периодизации Ноябрьской революции; некоторые проблемы периода назревания Ноябрьской революции; объективные предпосылки и субъективные силы Ноябрьской революции; основной вопрос Ноябрьской революции: Советы или Национальное собрание.

Вопрос о периодизации Ноябрьской революции. В ходе нашей дискуссии о периодизации Ноябрьской революции было выдвинуто в числе других предложение считать отправным пунктом 1914 год как начало общего кризиса капитализма. Это предложение вполне обоснованно было отклонено, поскольку развязывание первой мировой войны положило лишь начало общему кризису капитализма, и только с установлением пролетарской диктатуры в России, с созданием первого социалистического государства начинается новая эпоха в мировой истории. Ясно, с чего историк должен начинать изложение новейшей истории. Соответственно этому было бы логично и новейшую историю Германии начинать с 1917 года. Такая точка зрения отстаивается и сейчас некоторыми товарищами. Вопреки такой точке зрения я, как и прежде, отстаиваю свое мнение, что событие мирового значения, каким является Октябрьская социалистическая революция, не может быть определяющим для периодизации истории каждой отдельной страны, ибо закон неравномерности развития отдельных капиталистических стран не теряет силы с победой Октябрьской революции. Переломным моментом в истории Германии является Ноябрьская революция — частное проявление и углубление всеобщего кризиса капитализма. Исходя из этого и следует изучать особенности развития Германии. В тех же случаях, когда речь идет о назревании Ноябрьской революции, нужно особенно основательно показать решающее историческое значение влияния Октябрьской социалистической революции на развитие событий в Германии.

Все сказанное относится к начальному периоду Ноябрьской революции, которая, по нашему мнению (оно совпадает с мнением наших советских друзей), закончилась поражением Баварской советской республики в начале мая 1919 года. У нас распространено еще не опровергнутое представление, что Ноябрьская революция закончилась самоотречением первого Всегерманского съезда Советов 16—21 декабря 1918 года. Я сам первоначально считал, что Ноябрьская революция закончилась созывом Национального собрания и образованием первого коалиционного правительства из социал-демократов и буржуазии в январе 1919 года.

Оба мнения, по существу, приписывают парламентским событиям, якобы отражающим соотношение классовых сил, такое значение, которое они на самом деле не имели в то время, когда еще бушевали тяжелые «внепарламентские» вооруженные бои между революцией и контрреволюцией (с декабря 1918 до марта 1919 года). В своей программной речи на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии в конце

1918 г. Роза Люксембург говорила, что «событиями последних дней (бои в Берлине под рождество 1918 г.— А. Ш.) завершилась начальная фаза германской революции, что мы теперь вступаем во вторую, следующую стадию развития...»¹, которая характеризуется борьбой за социализацию. Ленин на II Всероссийском съезде профсоюзов 20 января 1919 г. говорил о «начинающейся немецкой революции»², причем он также рассматривал декабрьские и январские бои как бои за социальную революцию. Крупные забастовки и вооруженные бои за социализацию, происходившие в Берлине и в центрах тяжелой индустрии, и провозглашение советских республик в Бремене и в Баварии являются достаточным доказательством того, что часть германских рабочих понимала поставленную перед ними революцией историческую задачу и боролась за ее выполнение с оружием в руках. В этих боях контрреволюция успешно использовала свой союз с лидерами социал-демократии, предававшими рабочий класс. Этот союз обеспечил раскол рабочего класса и привел к разгрому революции поочередно в одной области за другой. Последний тяжелый удар в этот период был нанесен Баварской республике.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: период Ноябрьской революции начинается матросским восстанием в Киле 4 ноября 1918 г. и заканчивается поражением Баварской советской республики в начале мая 1919 года. Первая фаза завершается в конце декабря 1918 г.; более дробную периодизацию мы не считаем необходимой и убедительной.

Некоторые проблемы периода назревания революции. Перейду к одному важному вопросу, который до сих пор еще совершенно неудовлетворительно изучен и освещен нашими марксистскими авторами.

Мирная политика молодого Советского государства, братание немецких и русских солдат на фронте имели, как известно, такое революционизирующее влияние на германские войска на Восточном фронте, что, будучи переброшенными в 1918 г. на Запад, последние оказались непригодными для наступления. Ленин неоднократно приводил ставшее тогда ходячим выражение о «руссификации» германских войск на Востоке. Октябрь повлиял революционизирующим образом на германскую армию³. Это влияние было важным фактором, вместе с другими существенно предопределившим военный разгром Германии. Немецкая буржуазная историческая литература, как правило, почти не говорит о его значении для поражения германского империализма в первой мировой войне, в противовес этому всячески подчеркивая влияние на исход войны ввода в действие американских войск. И марксистские немецкие историки, как я уже говорил, придавали до сих пор слишком малое значение этому важному вопросу.

Если бы буржуазная националистическая литература поступала иначе, то рухнули бы две распространяемые ею легенды. Одна рассказывает о том, что германская армия была непобедимой на полях сражений, а другая (основанная на первой) — об «ударе кинжалом», который тыл якобы нанес в спину войскам. Значит, если мы недооцениваем влияние Октябрьской революции на падение боеспособности войск германского империализма, мы льем воду на мельницу националистической фальсификации причин военного разгрома германского империализма в 1918 году.

Как известно, Октябрьская революция не только повлияла на германскую армию, но и оказала в высшей степени революционизирующее влияние на рабочий класс и всех стремящихся к миру людей в Германии и придала большой размах революционному движению (январская стачка 1918 г.). Усталость солдат от войны отражалась на настроении тыла, а

¹ R. Luxemburg. Ausgewählte Schriften. Bd. II. Berlin. 1951, S. 667 ff.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 391.

³ См. там же, стр. 130.

настроение последнего, в свою очередь, расслабляюще действовало на фронт. Мне думается, что после этого становится очевидной неразрывная связь существенных факторов, повлиявших на вызревание революции в Германии.

Следует указать еще на другой недостаток в наших работах о периоде назревания Ноябрьской революции — я имею в виду недооценку сильного демобилизующего влияния на германскую армию уже русской Февральской революции. Напомню только о двух таких важнейших событиях, как апрельская забастовка и первое восстание в военном флоте летом 1917 г., на которое Ленин неоднократно ссылался, подчеркивая его революционное значение. То, что мы сначала расскажем о влиянии Февральской революции, отнюдь не умалит значения влияния Октябрьской революции на Германию. Наоборот, от этого станет более ясным самостоятельное развитие революционного движения в Германии, а затем сильное воздействие на него Октябрьской революции.

Еще одна сторона влияния Октябрьской революции на развитие Германии перед Ноябрьской революцией пока мало исследована: как повлияла Октябрьская революция на господствующий класс и какие выводы он сделал для сохранения своих экономических и политических позиций. Мирная политика молодой Советской власти ускорила расслоение господствующего класса. Одна его часть стремилась использовать тяготение широких народных масс к миру и выступала за компромиссный мир; в ходе дальнейших событий она ориентировалась на внешнеполитическое сближение с США (вильсоновское мирное наступление). Другая часть господствующего класса, возглавляемая верховным военным командованием (Людендорф и Alldeutsche), искала выхода в «победоносном мире», то есть в продолжении сокрушительных военных ударов. В свое время я ставил этот вопрос в моей работе «К истории германской внешней политики»⁴ и цитировал одно место из книги полковника Швертфегера: «Государственное политическое руководство Германии зимой 1917—1918 годов было твердо убеждено в том, что войну можно продолжать только при соглашении с социал-демократией. Помощник статс-секретаря фон Радовиц в письме от 17 января 1918 г. подчеркивал эту мысль и предупреждал, что нельзя допускать перехода социал-демократических избирателей, особенно в профсоюзах, на сторону независимых, иначе в стране могут начаться забастовки, о возможности которых верховное военное командование не хочет и думать. К этому Радовиц замечает: «Фактически такая опасность не существует, пока социал-демократы враждуют с независимыми. Но она появится тотчас же, если социал-демократы объединятся с независимыми и будут воздействовать на массы лозунгами против продолжения войны, за избирательное право, против голода и холода... Для верховного военного командования было неприятным сюрпризом, что в Берлине 28 января 1918 г. действительно разразилась мощная забастовка, охватившая до 500 000 рабочих»⁵.

Этой ссылкой я хотел подчеркнуть, что отдельные слои правящих классов, извлекая уроки из опыта Октябрьской революции и направляя свои политические мероприятия с целью избежать революции, видели одно средство обуздать ее: сохранение и углубление раскола в рабочем классе. Эта сторона дела — попытка обуздания революции — сама по себе известна. Мало исследовано поощрение правящими классами раскола рабочего класса и добровольное прислужничество у правых лидеров социал-демократии. Кстати, тому же фон Радовицу принадлежит относящийся к началу октября 1918 г. проект заявления Вильгельма II о привлечении социал-демократов в состав кайзеровского правительства.

⁴ A. Schreiner. Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik. 1871—1945. Bd. I. Berlin. 1955

⁵ B. Schwertfeger. Das Weltkriegsende. Berlin. 1938, S. 53, 54.

Ленин неоднократно указывал на то, как велики будут в Германии, где буржуазия привыкла управлять, трудности для победы революции. Мы в своей теоретической работе в свое время не уделяли достаточного внимания этим указаниям Ленина. Спустя двадцать лет нам пришлось пережить победу фашизма.

Главным мотивом в процессе революционирования было глубокое стремление народа к миру. С окончанием военных действий исчерпал себя и главный непосредственный стимул к революции.

Об объективных предпосылках и субъективных силах Ноябрьской революции. Не подлежит сомнению, что из всех империалистических стран Германия накануне Ноябрьской революции была той страной, в которой наиболее назрели объективные предпосылки для социалистического переворота.

Каково же было положение с субъективными факторами? Глубокое марксистское исследование структуры классов и партий в Германии во время первой мировой войны, изменения этой структуры в период назревания революции и влияние этих изменений на процесс революционирования, наконец, изучение дальнейших изменений, которые происходили во время Ноябрьской революции и были ею вызваны, — в этом состоит сейчас одна из важнейших задач историков.

Не сказав ничего о соотношении сил буржуазии и пролетариата, не сказав о «трех направлениях в социализме» (Ленин) в Германии до ноября 1918 г. и в период Ноябрьской революции, не исследовав подробно отношения рабочих партий к трудящемуся крестьянству и к сельскохозяйственным рабочим, к средним слоям и к трудовой интеллигенции, — без всего этого обсуждать вопрос о том, чем могла бы быть, но не стала Ноябрьская революция, значило бы заниматься схоластическим крючкотворством.

Об уроках, которые сделала для себя после Октябрьской революции в России германская буржуазия, уже было сказано выше. При изучении сил, которые противостояли друг другу в период подготовки и во время Ноябрьской революции, мы до сих пор недостаточно исследовали и другой фактор — сотрудничество международной буржуазии в борьбе против революции. Глубокое изучение и разоблачение этого сотрудничества, начиная с контрнаступления Вильсона против мирной политики молодой Советской республики (что способствовало ориентации части германской буржуазии, социал-шовинистов и социал-пацифистов на США и против сотрудничества с Советской страной) вплоть до уступок держав-победительниц германскому милитаризму после его военного разгрома в вопросе о разоружении и демобилизации, имеет огромное значение.

Рассмотренные выше вопросы имеют, в сущности, немаловажное значение для выяснения причин поражения Ноябрьской революции.

Еще несколько слов о движущих силах революции. Мы констатируем безынттересное явление: в период назревания Ноябрьской революции группа «Интернационал» (группа Спартак) вместе с левыми бременцами представляла собой единственную политическую группу в Германии, которая стояла за революцию и в меру своих возможностей вела идеологическую, а непосредственно накануне революции — организационную подготовку революции. Сюда следует отнести также революционных старост (revolutionäre Obleute) из партии независимых, находившихся под влиянием группы Спартак. Разумеется, этих сил было бы недостаточно для того, чтобы развязать народную революцию, если бы правящие классы могли и далее управлять старыми методами и если бы подавляющее большинство трудящихся не было охвачено таким стихийным стремлением к миру, что для его установления они были готовы идти на революцию.

В дискуссии по этому вопросу некоторые товарищи заявляли, что приписывать такую роль группе Спартак якобы необоснованно. Эти критики

не понимают значения революционной марксистской партии, пусть еще только организующейся.

На вопрос, почему же, несмотря на готовность широких масс германского рабочего класса к революции, возможно было такое низкое предательство социал-демократических вождей, ответ может быть только один: потому что в Германии не было революционной марксистской партии. Ленин накануне Ноябрьской революции усматривал величайшую беду и опасность для Европы в том, что «в ней нет революционной партии»⁶. И гораздо позже, 14 августа 1921 г., в своем письме к немецким коммунистам Ленин писал, возвращаясь к германской революции: «А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К^о) бандой лакеев капитала»⁷.

Таким образом, мне кажется, самым характерным для товарищей, критикующих «преувеличение» роли группы Спартак, непонимание ими того, что должно быть основным в освещении периода подготовки Ноябрьской революции. Речь идет в первую очередь о роли зарождающейся марксистской партии, а также об оценке позиции тех революционных марксистов в Германии, которые во время первой мировой войны действовали в духе резолюций международных конгрессов социалистов в Штутгарте (1907 г.), Копенгагене (1910 г.) и Базеле (1912 г.), которые высоко держали знамя пролетарского интернационализма и стремились поднять рабочий класс на борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую, за свержение буржуазии. В какой бы стране ни находились люди и группы, уже в то время ставившие себе такую цель, их имена были известны каждому интересующемуся политикой. До сих пор никаких новых групп такого рода не открыто. И не является также случайностью, что Ленин в своих многочисленных и подробных высказываниях о подготовке и ходе Ноябрьской революции называет в качестве ведущей силы германской революции только группу Спартак и левых бременцев. Поддержке этой единственной революционной группы, хотя и имевшей еще крупные недостатки, Ленин и большевики придавали большое значение, ибо они знали: не имея революционной партии, рабочий класс остается без революционного руководства, что обрекает революцию на поражение.

Нужно еще немного сказать о вовлечении в поток революционных событий сельскохозяйственных рабочих и трудящегося крестьянства. Этот вопрос теснейшим образом связан с только что разбиравшимся вопросом об отсутствии революционной партии. Бесспорно, что в период Ноябрьской революции революционная готовность широких масс немецких рабочих была налицо. Но перед кем в большинстве случаев они могли поставить вопрос об организации и проведении революции в их поселке или на предприятии: перед социал-демократами или независимыми? Влияние группы Спартак распространялось только на несколько городов, но и там она не располагала такой сплоченной организацией, как социал-демократы или независимцы. На VIII съезде партии большевиков Ленин попутно отметил: «Дифференцировался ли германский пролетариат от буржуазии? Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих в них против шейдемановцев. Но как это получилось? Путем союза спартаковцев с немецкими трижды проклятыми меньшевиками-независимцами, которые путают все и хотят поженить систему Советов с учредилкой! Ведь вот что происходит в этой самой Германии!»⁸.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 93.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 488.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 149.

Ленин говорит, что только в нескольких крупных городах большинство рабочего класса было против шейдемановцев. Что же происходило в деревне? Говорят о захвате потоком революционных событий сельскохозяйственных рабочих и трудящегося крестьянства. Ссылаются на Уккермарк и Вюртемберг. Вюртембергские события я наблюдал собственными глазами и видел, как бедных крестьян, прогнавших своего дворянина-помещика, тогдашний вюртембергский министр внутренних дел Криспин (независимец) отослал домой с нотацией: частная собственность — де должна уважаться. Пожалуй, дальше всех в революционные дни пошли крестьяне Верхней Силезии. Но эти отдельные волнения только подчеркивают, насколько в деле достижения союза между рабочими и крестьянами, безусловно необходимого для победы революции, сказывалось отсутствие революционной партии.

Приведенными соображениями не исчерпывается вопрос о силах и соотношении сил в начале и в ходе Ноябрьской революции. Мы хотели лишь дать понять, что и здесь изучение источников и основанный на этом изучении тщательный научный анализ ни в какой степени не может быть заменен эмоциональным подходом.

Об основном вопросе революции: Советы или Национальное собрание? По вопросу о Советах у нас была очень горячая дискуссия. Ее результатом и явились упомянутые вначале научные доклады. Статья моей ученицы и сотрудницы Марион Айнхорн о Советах⁹ также представляет собой результат проводимой сейчас работы по изучению фактов. Приведу важнейшие выдержки из ответа, который я дал критикам моего проспекта раздела учебника по Ноябрьской революции.

В учебнике германской истории необходимо дать конкретное представление о роли Советов в Германии. В учебнике по новейшей истории Германии, составленном немецкими историками-марксистами, нельзя довольствоваться воспроизведением установленных опытом выводов, вроде того, что: 1. В Германии 1918 г. на повестке дня истории стояла пролетарская революция; 2. Германская Ноябрьская революция была буржуазной революцией. Учебник должен дать понимание того, почему пролетарская революция не смогла одержать победы. А это неразрывно связано с вопросом о Советах. Поэтому будет также недостаточно сказать, что Советы в Германии были орудием контрреволюции, не показав, что они были такими не везде и не с самого начала; не показав, что и в Германии Советы возникли как боевые органы рабочего класса и что после 9 ноября в Советах и вокруг Советов разгорелась горячая борьба, разгорелась именно потому, что господствующие классы в какой-то мере лучше, чем рабочие, поняли из опыта русской революции значение Советов как органов пролетарской революции и с самого начала повели систематическую и широкую борьбу против Советов — в немалой степени при помощи самих Советов, засоренных всякими врагами революции и иногда даже ими организованных. У людей, не знающих революции по собственному опыту, общие выводы из революционной практики — например, те, что я приводил выше — часто застывают и превращаются в мертвые, твердо вызубренные формулы. Но из этих формул нельзя так просто, без всяких объяснений, понять, что речь идет не о таких выводах, из которых один исключает другой, а о таких, которые взаимно обуславливают друг друга. Марксистский учебник истории и должен так объяснить читателю сложный противоречивый процесс революции, чтобы понимание хода исторического процесса сделало эти выводы действительно четкими и ясными и тем самым полезными в нашей политической борьбе.

Только на основе изучения конкретного пути развития Советов в Германии и России могут быть сделаны правильные теоретические обобщения.

⁹ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». III. Jahrgang. 1955, Heft. 3.

ния. Знание той борьбы за власть, которую в ноябрьские дни вели немецкие рабочие и в центре которой стояли Советы, имеет большое актуальное значение для нашей сегодняшней политической борьбы. Изложение этого, как я уже говорил, не может быть заменено теоретическим обобщением: «Советы в Германии были орудием контрреволюции». Поступать так — значило бы также пренебречь важным элементом революционной традиции германского рабочего класса. Поэтому я стремился уже в проспекте подчеркнуть значение Советов как органов революционной власти. Подчеркивание этой стороны дела на основе соответствующих событий Ноябрьской революции ни в какой степени не противоречит общеизвестному и правильному положению, что в Германии в конце 1918 г. Советами руководили социал-демократы¹⁰. Однако другое, широко распространенное мнение, будто Советы прикрывали контрреволюцию против революции¹¹, в такой обобщающей форме неправильно. У нас были революционные Советы в Брауншвейге, Бремене (февраль) и Мюнхене (до мая 1919 года). Стоит только прочитать письмо Ленина Советской республике в Мюнхене и вспомнить ленинское положение о международной роли Советов в то время.

В Германии 1918 г. на повестке дня истории стояла пролетарская революция. В процессе созревания этой революции сформировались и характерные для пролетарской революции органы борьбы и власти — Советы в их «зародышевой» форме. Здесь нужно непременно указать на революционные фабзавкомы, появившиеся во время мощных стачек 1917 и января 1918 года. И революционные матросы, выдвигая в 1917 г. требование создать хозяйственные комиссии, сознательно опирались на пример Советов. Во время январской забастовки 1918 г. по инициативе группы Спартак в Берлине были избраны Советы рабочих депутатов, образовавшие комитет действия для руководства забастовкой. 28 июня 1918 г. Ленин говорил: «Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета рабочих депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции»¹².

7 октября 1918 г. группа Спартак на своей нелегальной всегерманской конференции совместно с бременскими левыми радикалами постановила немедленно приступить к созданию Советов рабочих и солдатских депутатов повсюду, где они еще не работают¹³. В письме от 18 октября членам группы Спартак Ленин горячо приветствовал это решение¹⁴.

Выполняя решения общегерманской конференции группы Спартак, мы, например, в конце октября 1918 г. создали в Штутгарте нелегальный рабоче-солдатский Совет из представителей от крупных предприятий (Даймлера и других) и революционных делегатов от двух крупнейших казарм Штутгарта. Мы распространяли напечатанные нелегально листовки и прокламации, готовили манифестации и демонстрации, создавали группы из революционных рабочих и солдат, организовывали выступления в войсковых частях, предназначенных к отправке на фронт. 4 ноября нами была проведена всеобщая забастовка и учрежден Совет рабочих депутатов. 5 ноября в Германии вышел первый номер нелегальной газеты «Rote Fahne» — органа рабочих и солдатских Советов в городах Штутгарте и Вюртемберге. Газета распространялась на предприятиях и в казармах. Примерно то же самое происходило и в других городах, где группа Спартак располагала достаточно солидной организационной базой, нередко используя для этого свое влияние среди независимцев.

Этот период возникновения Советов в Германии, к сожалению, очень мало известен по той простой причине, что немецкие историки-марксисты

¹⁰ См., например, И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 226.

¹¹ См. там же.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 442.

¹³ См. «Spartakusbrieft», Berlin, 1920, S. 193.

¹⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 306.

вообще еще слишком недостаточно занимались изучением движения за Советы в Германии. Как можно более подробное рассмотрение предыстории и развития Советов, начиная с 9 ноября, необходимо еще и для того, чтобы показать, насколько различный характер имели Советы в Германии в зависимости от времени и места их организации. Лишь после такого описания появится действительная возможность провести сравнение германских Советов с Советами в России.

Различие в развитии Советов России и Германии очень ясно освещено в тезисах, принятых II Конгрессом Коммунистического Интернационала (июль — август 1920 г.): «Когда и при каких условиях можно создавать Советы рабочих депутатов». В пунктах 1—2 тезисов разбирается вопрос о развитии Советов в России до 1917 года. Затем говорится дословно:

«3. В начале Февральской революции 1917 года Советы рабочих депутатов в России сразу превратились в Советы рабочих и солдатских депутатов, вовлекли в сферу своего влияния широчайшие народные массы и сразу получили громадный авторитет, потому что действительная сила была на их стороне, в их руках. Но когда либеральная буржуазия оправилась от неожиданности первых революционных ударов и когда социал-предатели, социалисты-революционеры и меньшевики помогли русской буржуазии взять власть в свои руки, значение Советов стало идти на убыль. Лишь после июльских дней и после неудачи корниловского контрреволюционного похода, когда самые широкие народные массы пришли в движение и когда вплотную надвигался крах контрреволюционного, буржуазно-соглашательского правительства, Советы рабочих депутатов стали вновь расцветать и вскоре приобрели решающее значение в стране.

4. История германской и австрийской революций показала то же самое. Когда широкие народные массы восстали, когда революционная волна поднялась особенно высоко и смысла твердыни монархии Гогенцоллернов и Габсбургов, в Германии и Австрии стихийно зародились Советы рабочих и солдатских депутатов. В первое время действительная сила была на их стороне, и Советы находились на пути к тому, чтобы стать фактической властью (Разрядка моя.— А. Ш.). Но как только, в силу целого ряда исторических условий, власть стала переходить к буржуазии и контрреволюционным социал-демократам, Советы стали хиреть и сошли на нет. В дни неудавшегося контрреволюционного мятежа Каппа — Лютвица в Германии на несколько дней стали опять возрождаться Советы, но, как только борьба вновь кончилась победой буржуазии и социал-предателей, эти начавшие поднимать голову Советы вновь захирели»¹⁵.

Эти тезисы были выработаны при активном участии Ленина. Для нашей дискуссии представляет интерес положение из 4-го пункта тезисов об одинаковом характере возникновения Советов в России и в Германии, и прежде всего положение о том, что в Германии, пусть на короткое время, «действительная сила была на стороне Советов», «Советы находились на пути к тому, чтобы стать фактической властью». Для нас важно внимательно изучить эти зачатки образования пролетарской власти в Германии. Напомню высказывание Ленина от 21 января 1919 г. о том, что революция в Германии «сразу приняла «советские» формы»¹⁶.

Безусловно правильно, что положение вещей в разных местах было весьма различным, но нельзя не учитывать и различие во времени и в данном случае упускать из виду первое время, когда «действительная сила была на стороне Советов»¹⁷.

¹⁵ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М. 1932, стр. 111—112.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 409 (прим. перев.).

¹⁷ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1955, Heft 3.

Чтобы закончить с этим вопросом, сделаю еще замечание об одной работе, появившейся в Западной Германии. Я хочу опять подчеркнуть, что немецкие историки-марксисты еще недостаточно занимаются подробным исследованием движения за Советы в Германии. Иначе действуют псевдомарксистские историки в Западной Германии. Одним из доказательств этого служит изданная в 1954 г. в Дюссельдорфе Комиссией по истории парламентаризма и политических партий в Бонне книга Вальтера Тормина «Между советской диктатурой и социальной демократией. История советского движения в германской революции 1918—1919 годов»¹⁸.

Два слова для характеристики этой книги. Судя по рекламе, распространяемой издательством, книга обещает осветить «главную проблему революции, происхождение, своеобразие, распространение, силу и влияние движения за Советы». Дальше говорится дословно: «В противоположность существующему взгляду, что возникновение рабочих и солдатских Советов в Германии было обусловлено заимствованием определенных форм русской революции и ленинских идей, [в книге] доказывается, что этот фактор имел ограниченное значение, наряду с двумя другими более давнего происхождения. Еще до русского влияния существовали похожие на Советы органы, которые развивались в германском рабочем движении уже с середины XIX в. и которые во время первой мировой войны, в ходе сотрудничества профсоюзов с правительством, приняли определенные формы: фабричных комитетов и рабочих камер в качестве профессиональных представительств».

В то время как обычно крушение политической идеи Советов, особенно крушение попытки второй революции в 1919 г., объясняют союзом народных уполномоченных с армией или же с корпусом добровольцев, Тормин приходит к выводу, что возникшие в ноябре 1918 г. рабоче-солдатские Советы никогда не понимались массами в духе ленинских идей, а должны были лишь охранять их интересы в новом государстве. Не применение военной силы определило характер молодой республики, а профсоюзно-реформистская традиция подавляющего большинства немецких рабочих».

Такова рекламная аннотация. Последняя фраза особенно хорошо позволяет отчетливо распознать политическую позицию автора, а весь приведенный текст дает объяснение целей, которые преследует эта книга. Извращение идеи Советов предпринимается главным образом для того, чтобы задним числом снять с социал-демократических палачей революции Носке, Эберта и компании вину за кровавые убийства, чтобы услужливо напомнить немцам монополистам о социал-демократии и профсоюзах как надежнейшей опоре и одновременно рекомендовать средство, которое в случае революционного кризиса может по пресловутому рецепту усмирить революцию.

Социал-демократические «врачи у постели больного капитализма» стараются произведениями подобного рода предохранить рабочих от восприятия основной идеи пролетарской революции. Если такой автор, инсценируя научную добросовестность и объективность — а в книге обильно цитируются и классики марксизма-ленинизма и ренегаты рабочего движения (последние, как известно, давно превратились в агентов монополистического капитала), — считает нужным извратить идею Советов, то, видимо, и нам пора более интенсивно, чем до сих пор, приняться за изучение столь важного вопроса, как вопрос о Советах. События в Венгрии осенью 1956 г. показали, что международная контрреволюция и ныне еще использует фальсификацию идеи Советов.

¹⁸ W. Tormin. Zwischen Rätediktatur und sozialer Demokratie. Die Geschichte der Rätebewegung in der deutschen Revolution 1918—1919. Dusseldorf. 1954.